
ДИСКУССИИ
И ОБСУЖДЕНИЯ

ЧАСТНЫЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ: КОЛЛИЗИИ НАВРСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

© 2016 г. Орест Владимирович Мартышин¹

Две названные коллизии нравственных ценностей (частный интерес – национальный интерес), национальный интерес – глобальный интерес сравниваются как идеальные типы, что в данном контексте предполагает правоту каждой из сторон. По мнению автора, в первом случае должен превалировать национальный интерес при условии справедливой компенсации потерь частных лиц. Во втором – национальный интерес не может быть принесен в жертву, и единственным справедливым решением представляется компромисс, что предполагает отказ от худших свойств национализма как философии, идеологии и политики.

Two kinds of moral values' conflicts (private interest – national interest, national interest – global interest) are compared as ideal types which means in the present context that both sides are supposed to be right. In the first case according to the author national interest should prevail on the condition of equitable compensation of private losses. In the second case national interest cannot be sacrificed and compromise seems to be the only fair solution which presupposes rejection of negative properties of nationalism as philosophy, ideology and policy.

Ключевые слова: коллизия нравственных ценностей, частный интерес, национальный интерес, глобальный интерес.

Key words: conflict of moral values, private interest, national interest, global interest.

Среди нравственных ценностей, имеющих непосредственное отношение к государству, особое место занимают национальные интересы². Их защита – цель и функция любого государства.

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (E-mail: martyshin.o@mail.ru).

Orest Martyshin, professor of Department of theory of state and law of Moscow state law University named O.E. Kutafin (MSAL), Doctor of Law, Professor (E-mail: martyshin.o@mail.ru).

² Коснемся вкратце соотношения национального и государственного интереса. Ясно, что в ряде случаев это не синонимы. Национальный интерес в строгом смысле слова возникает с формированием наций. Государство складывается, по общему мнению, много раньше, хотя К. Шмитт связывал это явление в Европе с возникновением централизованных монархий, а за несколько десятилетий док. Шмитта подобной позиции придерживался П.А. Кропоткин, полагавший, что государство появилось в XVI в., а до него существовало общинное устройство, принципом жизни которого служила взаимная помощь. Впрочем, как бы ни называть политические объединения, предшествовавшие абсолютизму, их этническая подоплёка не подлежит сомнению. Другой случай несовпадения государственного и национального – многонациональные государства, империи, в которых внутренний национальный вопрос нередко приобретает большую остроту в связи с борьбой за самоопределение. Тем не менее в контексте данной статьи можно отвлечься от этих отличий и условно рассматривать национальный интерес и государственный интерес как тождественные категории, т.е. исходить из политического, а не этического понимания нации.

У национальных интересов два антагониста – внутренний (частный интерес) и внешний – интересы мирового сообщества. Столкновения между ними – настолько распространенное явление, что его можно считать нормальным и постоянным. Отсюда – актуальность проблемы решения коллизий, или выбора между названными этическими ценностями. Это предполагает признание определенной иерархии между ними, хотя, может быть, не абсолютной, а устанавливаемой применительно к конкретному случаю.

В реальной жизни на протяжении тысячелетий такого рода коллизии решались в суровой борьбе, исход которой зависел от соотношения сил и возможностей. Давно сложилась соответствующая историческому опыту философия конфликтов, в основе которой лежат своекорыстные интересы их участников. В древнеиндийском сборнике басен и поучений “Панчатантра”, относимом некоторыми исследователями к I–III вв. н.э., проводится мысль, что по общему правилу часть должна приноситься в жертву целому, но, когда речь идет о собственных интересах личности, они должны быть поставлены превыше всего: ради семьи следует пожертвовать одним из ее членов, в интересах деревни можно пожертвовать какой-то одной семьей, ради царства или его части – деревней, но ради самого себя весь мир может быть прине-

сен в жертву³. Инстинкт самосохранения как основа нравственности, четко сформулированный в “Панчатантре”, характерен для всех древних народов. Им проникнут эпос греков, германцев и т.д. Жестокость, коварство, презрение к интересам других считались вполне нормальными для поведения языческих богов и мифических героев. Жизнь общества не достигла еще той степени совершенства или лицемерия, когда защита собственных интересов вопреки интересам других была бы объявлена аморальной.

Впоследствии это было сделано, но мало повлияло на характер общественных отношений, на мотивы поведения, индивидуального или коллективного. Откровенное провозглашение имморализма было сравнительно редким, но в реальной жизни продолжает доминировать своекорыстный интерес. В начале XIX в. это констатировал в “Конституционном кодексе” родоначальник утилитаризма И. Бентам. Целью правительства в любом государстве должно быть наибольшее счастье наибольшего числа людей, рассуждал он, но на деле его целью является “наибольшее счастье тех, одного или многих, кто осуществляет правительственную власть”. Тот же подход распространяется и на граждан. Действия людей мотивируются их интересами в широком смысле слова, включая не только материальную выгоду, но и социальные симпатии и антипатии. В порядке исключения в высокоразвитых обществах бывает, что личные интересы приносятся в жертву общественным. Но такое случается реже, чем умопомешательство. Поэтому в практических целях законодатель может пренебречь всем, кроме узкоэгоистического интереса граждан⁴.

В межгосударственных отношениях также господствуют корыстные интересы. Это доказывал в XVII в. Т. Гоббс. Попытке Гроция утвердить в этой области принципы права он противопоставил тезис о том, что государства находятся друг с другом в естественном состоянии, т.е. в состоянии неограниченной свободы, когда право каждого равно его силе, что ведет, по точному определению Т. Гоббса, к войне всех против всех. Много ли изменилось с той поры? В 2014 г. вышел сборник статей, речей и писем А.И. Деникина. Кадровый военный, вовлеченный революцией в политическую борьбу, с наивным изумлением открывал для себя вечные законы политики. Вот что он обнаружил: “Кровавый оскал войны гля-

дит со всех сторон – более страшный, чем когда бы то ни было... Причины – глубокие, органические – в кризисе общечеловеческой морали, во вседозволенности средств для торжества национальной или социальной идеи и в утрате доверия к договорам – клочкам бумаги. Обман в общественных взаимоотношениях считается преступлением, в государственных становится частью метода внутренней политики, а в международных – оружием внешней политики”.

Секрет живучести изложенной выше позиции – в реализме, в точном определении наиболее распространенных мотивов поведения участников внутригосударственных и международных отношений. Ее слабость и порочность состоят в том, что своекорыстие как бы признается неизбежным, нормальным, грань между сущим и должным стирается. Пагубность этих мотивов и их последствий остается вне поля зрения. Между тем они ведут к сохранению и обострению противоречий, к войне всех против всех. Абсолютизация своего интереса препятствует гармонизации отношений, исключает поиски нравственного пути разрешения конфликтов.

В реальной жизни при столкновении интересов предметом спора служат факты, подтверждающие правоту или неправоту каждой из сторон, и их оценка. Стремясь любыми средствами добиться практических результатов, участники конфликта апеллируют к справедливости, причем нередко в демагогических целях. Попробуем противопоставить этому идеальную модель решения коллизий. Ее идеальность заключалась бы в признании добросовестности каждой из сторон, оправданности их притязаний. Только в этом случае проблема будет решаться не на основе интересов, а исходя из нравственных ценностей.

* * *

Применительно к коллизии между национальными и частными интересами (а законные частные интересы тесно связаны с правами человека) в постсоветской юридической литературе широко распространен тезис о приоритете прав личности. Ссылаются на ст. 2 Конституции РФ: “Человек, его права и свободы являются высшей ценностью”. При этом забывают о ч. 3 ст. 53, устанавливающей основания ограничения Федеральным законом прав и свобод человека. Все они (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны и безопасности страны) связаны с государственными, или национальными, интересами. Идея приоритета прав

³ См.: Ghoshal U.N.A. History of Indian Political ideas. Oxford, 1959. P. 278, 279.

⁴ См.: История политических и правовых учений. Ч. I, II. М., 2012. С. 288–290.

личности проникла даже в законодательство. Статья 9 “Основ законодательства РФ о культуре”, принятых Верховным Советом РФ в 1992 г., в редакции, действующей до сегодняшнего дня, гласит: “Права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений”.

Для обоснования приоритета прав человека прибегают к противопоставлению персонистского общества системоцентристскому, или социоцентристскому, а также персонистской правовой культуры — социоцентристской. Такой терминологией пользуются А.В. Оболенский, А.П. Семитко, С.С. Алексеев и многие другие⁵. В.В. Лапаева утверждает, что в Конституции РФ “человекоцентристская ориентация государственной правовой политики получила нормативное закрепление”⁶.

Приведенная типология общества подается как нечто бесспорное, подтверждаемое историческим опытом. При этом системоцентристское общество осуждается как тирания, насилие, подавление личности. Тоталитаризм рассматривается как самое законченное воплощение системоцентризма. А вот персонистское общество считается идеальным гарантом прав и свобод человека. Если это верно, задача состоит в переходе от системоцентристского общества к персонистскому.

Однако благие намерения приверженцев этой концепции (гуманизм, демократизм, защита свободы и прав человека) не придают ей убедительности. Выбор между системоцентризмом и персонистством — ложная дилемма. Любое общество создается и поддерживается центристскими силами, общим интересом и поэтому не может не быть системоцентристским. Оно требует от своих членов учета интересов целого, приспособления к условиям совместного существования. Общество, провозглашающее приоритет частных интересов, обречено на распад. В нем господствуют центробежные силы, ибо интересы людей сплошь и рядом противостоят друг другу и интересам целого.

При таком подходе господствует физиологический инстинкт самосохранения, а не политический инстинкт общего блага.

Персонистского общества никогда не было и не будет. Попытки его осуществления привели бы к войне всех против всех. Персонизм — не идеал, а фикция. Он подрывает вечный закон общественной жизни, который Аристотель сформулировал так: целое всегда предшествует части. Иными словами, целое важнее, целое — это общее благо, рассматривавшееся с древности до наших дней как важнейший компонент справедливости. Из того, что тоталитаризм (бесспорно) представляет собой системоцентристскую систему, вовсе не вытекает, что тоталитаризм и системоцентризм — синонимы. С той же степенью убедительности можно было бы всякое общество объявить тоталитарным. По существу, речь идет о том, что есть общества и государства, в которых права человека соблюдаются в разной мере и в которых они, опять-таки в разной мере, попираются. Но и те, и другие системоцентричны.

Между тем идея приоритета прав человека основывается как раз на наивных представлениях о возможности персонистского общества. Ее следует отвергнуть, даже рискуя прослыть врагом либерализма и защитником современного российского консерватизма с его боевыми лозунгами “агрессивного либерализма” и “либеральной эйфории начала 90-х годов”. В действительности “приоритет прав личности” — вовсе не либерализм, а эксцесс либерализма, плод правового сознания, изуродованного тоталитаризмом и строящегося по принципу антитезы всемогущей и бесконтрольной государственной власти.

Классическому либерализму идея приоритета прав личности чужда — частные интересы всегда соизмерялись с благом целого, т.е. государства. Так рассуждал один из пионеров либерализма, прочно связавшего его с признанием неотчуждаемых естественных прав личности, Дж. Локк. “Первым и основным естественным законом, которому должна подчиняться сама законодательная власть — писал он, — является сохранение общества и в той мере, в какой это будет совпадать с общественным благом, — (подч. мною. — О.М.) каждого члена общества”⁷. Ш. Монтескье видел принципы или двигатель демократии в политической добродетели, которую он понимал как самоотверженность, как “любовь к законам и Отечеству, требующую постоянного предпочтения

⁵ См.: Оболенский А.В. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994. С. 9; Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 147–205; Алексеев С.С. Философия права. М., 1999. С. 98–100; и др.

⁶ Лапаева В.В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации // Гос. и право. 2013. № 2. С. 14.

⁷ Локк Дж. Соч. В 3-х т. Т. 3. М., 1988. С. 339.

общественного блага личному”⁸. Подлинный либерализм предполагает необходимость ограничения прав и свобод личности в определенных случаях. Такова 300-летняя традиция – от Дж. Локка до Всеобщей декларации прав человека, четко определившей в ст. 29 основания ограничения прав. Положения ч. 3 ст. 53 Конституции РФ соответствуют этой статье важнейшего акта ООН. Формулировки ст. 2 Конституции РФ трудно признать удачной. “Высшая ценность” – публицистическое, эмоциональное выражение, лишенное юридической точности. Таких терминов следует избегать в тексте законов. Было бы убедительнее записать, что Конституция гарантирует права и свободы человека и гражданина в соответствии с актами международного права, признанными Российской Федерацией.

Такова идеальная модель решения коллизий между частными и публичными, в том числе национальными, интересами. Как отмечалось выше, она предполагает добросовестность, справедливость требований обеих сторон, что в реальной жизни встречается крайне редко. Как правило, наблюдаются злоупотребления как частных лиц, так и государства. При этом первые апеллируют к священным и неприкосновенным, неотчуждаемым, естественным правам, а оправданием государства служат общее благо и национальный интерес, давно ставшие необходимыми атрибутами политической теологии.

Как не вспомнить в этой связи М.А. Бакунина: “До сих пор вся история государства была постоянным и кровавым жертвоприношением миллионов бедных человеческих существ в честь какой-нибудь безжалостной отвлеченности, Бога, Отечества, государственной власти, национальной чести, исторических и юридических прав, общественной свободы и благосостояния... пожирающие абстракции, эти вампиры истории, всегда питавшиеся человеческой кровью”⁹. В словах М.А. Бакунина есть доля истины, иначе анархизм не был бы вечным спутником государства. Но, поскольку государственная система существует (при всех возможных злоупотреблениях с ее стороны, как и со стороны частных лиц), нельзя не признать, что она основана на подчинении части целому и на признании государства высшим арбитром в возникающих конфликтах. Разумеется, в государстве, соблюдающем права и свободы человека, их вынужденное ограничение предполагает максимально возможную компенсацию морального и материального ущерба.

* * *

Конфликт между национальными и глобальными интересами (или вызовами) не менее сложен. Можно ли уподобить его коллизии частных и государственных интересов, представив национальное как часть, а глобальное – как целое? Такое сравнение было бы допустимо, если бы только глобальная система представляла собой органическое единство, своего рода мировое государство, а национальные государства вошли бы в него в качестве административных единиц или субъектов федерации. Однако идея мирового государства все еще утопична. Острота межгосударственных противоречий не оставляет сомнений в том, что человечество по-прежнему очень далеко от осуществления этой цели. Несмотря на деятельность ООН и других международных организаций, пытающихся гармонизировать отношения между государствами, ввести их в рамки международного права, действенный механизм регулирования и контроля так и не создан. Национальные государства и система международных отношений строятся на разных основаниях. Важнейший принцип государственной организации – суверенитет. Мировая система как целое не знает этого явления. Больше того, она исходит из признания государственного суверенитета. ООН, как гласит ст. 2 ее Устава, “основана на принципе суверенного равенства всех ее членов”. Генеральная Ассамблея ООН согласно ст. 11 Устава уполномочена лишь делать рекомендации членам Организации и Совету Безопасности, ему Генеральная Ассамблея передает любой вопрос, “по которому необходимо предпринять действия”. Члены ООН обязуются выполнять решения Совета Безопасности (ст. 25 Устава), но эффективность этого органа снижается требованием единодушного голосования его постоянных членов, т.е. предоставлением им права “вето” по всем решениям, кроме процедурных (ст. 27). Тем самым суверенитет (правда, не всех государств, а только постоянных членов Совета Безопасности) ставится выше рекомендаций Генеральной Ассамблеи, что способно лишить ее реальной власти. Бросается в глаза, что принцип единодушия постоянных членов Совета Безопасности явно противоречит провозглашенному в ст. 2 Устава принципу суверенного равенства всех членов ООН. Чтобы рассматривать мировое сообщество как единое целое, необходим всеобщий консенсус – явление если не невозможное, то во всяком случае труднодостижимое и очень редкое.

Различия между двумя типами конфликтов (внутри государства и на международной арене)

⁸ *Монтескьё Ш.* Избр. произв. М., 1955. С. 191.

⁹ *Бакунин М.* Бог и государство. М. – Пг., 1918. С. 63.

очень существенны. В антитезе “национальное – глобальное” частные интересы в строгом смысле слова отсутствуют, обе противоположности публичны. И как раз из-за отсутствия единодушия в этой сфере не получила признания иерархия публичных интересов высшего и низшего уровней, наподобие отношений между частью и целым в рамках государства.

Глобализация, охватывающая все сферы жизни мирового сообщества, – глубоко противоречивый процесс. В нем есть элементы прогресса, объединения усилий всех стран во имя общих целей, но есть и элементы неравенства, давления, экспансии сильнейших, как теперь модно говорить, акторов, а подчас и прямого насилия. Негативный аспект глобализации представляет собой современное состояние формы империализма. В таких условиях речь не может идти о столкновении общечеловеческих и национальных интересов, потому что за всеобщий интерес нередко выдается позиция определенной группы стран. При этом сопротивление национальных государств, становящихся объектом давления или насилия, неизбежно. Индивидуальное самопожертвование в пользу общества всегда воспринималось как высшая форма нравственности, ее поэзия, по выражению Р. Иеринга. Национальное самопожертвование представляется абсурдным.

В рамках государства приоритет общего над частным обеспечивается законами, реализуемыми государственной властью, если потребуется, посредством законного принуждения. Государство нередко оказывается неправым, а его меры – безнравственными и даже незаконными, но его право принимать решения, в том числе и принудительного характера, не подвергается сомнению. В этом – суть государственной системы. Международные отношения строятся по иному принципу. Здесь первичным звеном системы является не гражданин, обязанный подчиняться законам государства, а суверенное государство. Здесь глобальные цели рассматриваются с точки зрения национальных интересов и корректируются в соответствии с ними. Здесь нет бесспорного высшего арбитра, наделенного властными полномочиями. Применение международных санкций предполагает определенный консенсус между государствами, что нередко делает санкции проблематичными. Система международных отношений не дает ни юридических, ни нравственных оснований для следования принципу “целое всегда предшествует части”. Национальный интерес и на международной арене предстает в качестве цели и функции государства.

* * *

Итак, следует признать, что система отношений между государствами, международное право не исходят из приоритета глобальных ценностей над национальными интересами. А это создает благоприятную почву для легализации и легитимации национализма. Раскол мира на два лагеря сдерживал развитие националистических тенденций. Крушение мировой системы социализма, исчезновение вместе с ней биполярного мира, а затем и распад Советского Союза привели к вспышке национализма в мире, в особенности в Восточной Европе и на постсоветской территории. В то время как Запад сохраняет, укрепляет и расширяет наднациональные структуры, евразийский Восток, несмотря на значительные усилия в этом направлении, заметно отстает в создании постоянных и эффективных межгосударственных объединений. Здесь доминирует утверждение национального суверенитета. В какой-то степени это закономерно как реакция на принудительное единство в рамках коммунистического тоталитаризма.

Тезис “национализм – пережиток капитализма” сегодня мало кого убедит, хотя связь этого явления с буржуазным или мелкобуржуазным мировоззрением трудно оспаривать. Ведь один из основных принципов национализма – утверждение национального единства вопреки социальным противоречиям. Отпор вызывает другое. Опыт последних десятилетий продемонстрировал, что национализм – это не пережиток, а очень распространенное, многоплановое и всепроникающее явление современности. Пока есть национальное недовольство, сохранится и национализм. Он остается мощным, быстро и безотказно действующим средством мобилизации и потому охотно эксплуатируется политиками.

Проблема в том, как к этому относиться. Возможны два решения. Первое состоит в том, чтобы культивировать националистические настроения, возводить их в ранг высшей добродетели и принципиальной основы политики. При обострении международных отношений это решение способно вызвать массовый энтузиазм. Нетрудно найти и оправдание такому подходу в наследии мыслителей прошлого. Высокоценный в кругах современной российской консервативной политической “элиты” И.А. Ильин провозглашал: «В противоположность всякому интернационализму, – как сентиментальному, так и свирепому, в противовес всякой денационализации, бытовой и политической – мы утверждаем русский национализм, инстинктивный и духовный, исповедуем

его и возводим его к Богу. Мы приветствуем его возрождение... И мы считаем драгоценным, чтобы русские люди не связывали себя никакими интернационалистическими “симпатиями” и “обязательствами”»¹⁰.

Второе решение, не отрицая реальности, распространности и известной исторической обусловленности национализма, исходит из признания его ограниченности, опасности и недопустимости крайних проявлений.

Национализм многолик и неоднороден. К нему относятся как выступления угнетенного этнического меньшинства с требованиями автономии, равенства, развития языка и культуры, так и защита доминирующим национальным большинством своего особого статуса. Положения о национализме господствующей и угнетенной нации, разработанные, в частности, в марксизме, не утратили смысла. Национализм разнообразен и по форме. Он может быть внешне приличен и совершенно непристоен, может носить мирный, пропагандистский, культурный или откровенно агрессивный, насильственный характер. При этом, как и в случае с национализмом господствующей и угнетенной нации, одни формы легко переходят в другие.

Сознательное отношение к национализму предполагает учет и анализ как его особенностей, так и общих черт, свойственных любому националистическому движению или идеологии и свидетельствующих о его коренных и принципиальных изъянах, чреватых опасными последствиями.

Сущность всякого национализма – в рассмотрении нации (этнуса) как главного явления общественной, а значит, и политической жизни, превращение нации в фетишизированный объект лояльности. Применительно к государству это означает, что оно вторично по отношению к нации, а поскольку этнически монолитных государств нет, – по отношению к основной, ведущей нации. Такая основополагающая установка не влечет за собой нигилистического отношения к государству, призывов не считаться с ним, но государство рассматривается как воплощение нации (в этическом смысле слова), как ее орган. Отсюда – идея государствообразующей нации, или (поскольку национальная принадлежность тесно и часто связана с религиозной) государствообразующей религии. Исторически это верно. Государства складывались на национальной основе. Не случайно наличие собственной государственности

рассматривается иногда в качестве неотъемлемого признака сложившейся нации. Но принадлежность к современному государству определяется не этнической природой, а гражданством. Если государство – не этническая, а политическая общность, то государственный (национальный) интерес соответствует благу всех граждан. С националистических позиций это не так: национальный интерес диктуется государствообразующей нацией. Нужно ли напоминать, что наиболее законченное воплощение в новейшей истории национализм получил в итальянском фашизме, германском национал-социализме и многообразных современных движениях нацистского толка?

С превращением этнической нации в главный объект лояльности связано еще одно свойство всякого национализма – утверждение национального единства. Социальные, экономические, политические, идеологические, культурные, религиозные расхождения и противоречия игнорируются и отвергаются. Этническая общность рассматривается как гарант социальной и политической гармонии, взаимопонимания, духовного родства. Она исключает столкновения интересов между богатыми и бедными, аристократами и простолюдинами, образованными и необразованными, верующими и неверующими. Всем этим различиям противопоставляется идея национальной однотипности, единообразия, единомыслия, своего рода аналог “морально-политического единства советского общества”. Только основа единства другая – не социалистическое бесклассовое общество, а незыблемые национальные устои. Сентенции типа “русский – значит православный” или запрет на пропаганду и агитацию, возбуждающие социальную ненависть и вражду, служат примерами попыток установления такого рода национального единства.

Национализм замыкается в кругу национальной истории, культивирует представления о культурно-исторической исключительности, идеализирует национальные традиции и нередко доходит до любования отсталостью, ее оправдания и увековечения. Национализм, как правило, идет рука об руку с консерватизмом или прямой реакционностью. Некрасовская мысль “кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей” ему чужда. Печаль и гнев вызывает только что-то этнически чуждое. Один из благороднейших представителей национализма угнетенной нации Дж. Неру (чьи идеи используются в этой статье), уже став премьер-министром Индии, говорил: “В этой стране есть тенденция поддерживать обскурантизм во имя национализма... Национализм часто прикрывает множество пороков и яв-

¹⁰ Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Т. 1. М., 1992. С. 279.

лений, которые отмерли и отошли в прошлое”¹¹. К числу вредных явлений, прикрывающихся национализмом, он относил коммунизм и сепаратизм. Задолго до Дж. Неру знаменитый писатель Н. С. Лесков, плоть от плоти и кровь от крови русской национальной жизни, писал о “так называемом консерватизме, чаще всего сходящемся у нас с полною косностью”¹².

И наконец, еще один порок национализма, еще одна его опасность состоит в том, что деление людей по этническому признаку, отношение к нации как к главной форме и сфере социальной жизни, наиболее важному и высшему общественному союзу порождает чувства антагонизма, недоверия, неприязни и даже ненависти к другим этническим группам. Национализм способствует не объединению, а разъединению народов, изоляционизму, ксенофобии, шовинизму и агрессивности. Возведение национализма в ранг высшего принципа политики означало бы заведомое презрение к интересам других народов и мирового сообщества всякий раз, когда они вступают в противоречие с правильно или ложно понятыми национальными интересами, а это — путь к войне всех против всех на уровне государств и наций, не достигших самоопределения. В многонациональных странах опасность национализма возрастает, ибо он ведет и к внутреннему расколу.

¹¹ *Nehru's Jawaharlal Speeches*. Vol. 2. Delhi, 1967. P. 125.

¹² *Лесков Н. С.* Собр. соч. В 11-ти т. Т. 6. М., 1957. С. 576.

Не значит ли это, что национализм непригоден как принцип политики, что его следует не возводить к Богу, как призывал И. А. Ильин, а наоборот, лишить ореола святости? Защита государственных (национальных) интересов, равно как патриотизм, приверженность к национальной культуре и традициям, и национализм как мировоззрение и идеология с отмеченными выше свойствами — совершенно разные явления. Между тем вся националистическая пропаганда построена как раз на смешении и отождествлении этих понятий. Дело общественных наук — продемонстрировать принципиальные различия между ними, лишить национализм монополии на патриотизм и национальную гордость, а также возможности прикрывать националистическими лозунгами скудость и ущербность консервативной социальной программы, рассчитанной на сохранение неравенства и привилегий. Критика националистического мировоззрения не равнозначна отказу от защиты национальных интересов или призыву жертвовать ими во имя глобальных целей. Речь идет о поисках согласованных решений, компромиссе между национальным и интернациональным. Защита национальных интересов тем надежнее, чем крепче она опирается на принципы интернационализма, получившие воплощение в нормах международного права. Таким представляется разумный подход к решению коллизий между национальными (государственными) и глобальными интересами.